

Марина Григорьевна Довгаль

Золотая эпоха

Сборник рассказов

Марина Григорьевна Довгаль

Золотая эпоха.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25199679

ISBN 9785448372612

Аннотация

Рассказы «Золотая эпоха», «Танец смерти» и «Не будите спящего зверя» – фэнтези антивоенной тематики. «Если останусь живая» – реальная история: война на Донбассе. «Юлиус Штрейхер» – биографическая зарисовка о редакторе немецкой газеты «Штурм», казненном вместе с немецкими нацистами в 1946 году. И, наконец, миниатюры «На пороге», «Я о любви» и «Как мало надо для счастья».

Содержание

Золотая эпоха	5
Если живая останусь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Золотая эпоха

Сборник рассказов

Марина Григорьевна
Довгаль

© Марина Григорьевна Довгаль, 2018

ISBN 978-5-4483-7261-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Золотая эпоха

Яростный звон бубенцов гремел в просыпающемся сознании громовыми раскатами.

«Кто только придумал такие противные звуки», зло подумал Сенька и открыл глаза.

Высоченные сосны, обступившие прозрачный панцирь палатки, уходили толстыми стволами вверх, подпирая там шевелимый ветром раскидистый шатер из мохнатых разлапистых веток. Сквозь темно-зеленую толщу густым частоколом пробивались солнечные лучи, придавая пятачку, где они остановились на ночлег, вид симпатичной полянки. Терпкий запах хвои, что стоял в палатке, терзал концентрацией.

«Говорил уже отключить будильник и не ароматить воздух. Нет, никаких реакций. Как это, м-м-м говорится то, а, как рыба об лед или нет, как об стенку горох, с удовольствием вспомнил он старинные, но интересные идиомы из пройденного курса русского языка и литературы, сейчас устрою этому Васе взбучку. Покажу, кто здесь главный», выбираясь наружу, негодовал Сенька на работа-няньку.

Тот стоял ко входу в полуоборот. Большая голова его, слегка склоненная с устремленным вдаль взглядом и руки сложенные на груди, создавали вид человека погруженного в думы.

– Уж не любуетесь ли вы красотами, Карл. – Вместо обыч-

ного – доброе утро, едко заметил Семен.

Робот повернулся. Его лицо, если так можно назвать маску из полинефрона, соответственно настройкам выражало озабоченность.

– Я не люблюсь. Эта функция отключена. Я робот МА-48 новейшей модификации. Зовут Вася.

– Рад знакомству, Вася. – Съехидничал мальчик, взъерошенный со сна и страшно сердитый. – Не вам ли я уже говорил отключить эти дурацкие звуки и не душить воздух. Что это за бряканье, а? Где вы только откопали это?

– Отключить нельзя. Можно заменить. Предыдущий разговор об отключении будильника был не завершен, вы отвлеклись. Выберите другие звуки. Ароматизация отключена. В палатку нагнетается естественный воздух.

Бубенцы (уменьшительная форма бубенчики) – Небольшие металлические полые шарики с маленькими кусочками металла или несколькими внутри. Древнее изобретение. Использовались как ударный музыкальный инструмент. Крепились к конской упряжи и одежде шута. – Как всегда, скрупулезно точно выдал ответ робот.

Интонация и тембр голоса, с которым изъяснялся робот, напоминали Семену его родную бабушку. Хорошо знакомые и дорогие нотки будили в нем воспоминание о ней самой и о том времени, когда ему доводилось бывать у нее в гостях: о пирогах с ватрушками, которые бабушка была мастерица испечь; о парном молоке от любимицы ее Зорьки и о песнях,

что спевала она протяжно и жалобно иной раз по вечерам и о разговоре как-то произошедшим меж ними одним из вечеров, что засел в голове и всплывал порой со странными чувствами.

«Ты, Сенька, русский – сказала тогда бабушка. На что мальчишка рассмеялся, но твердо ответил, – нет бабуля, я землянин. А я русская.» – с грустью отозвалась, немного помолчав, она....

Напоминали бескрайнее раздолье, крепко пахнущее травами и еще чем-то волнующим и родным; реку широкую и полноводную с крутым покрытым лесом берегом, которая несла свои воды рядом с усадьбой, где жила бабушка и где под ее руководством трудилось 20 роботов, сея и убирая жито в полях того самого раздолья.

Поэтому наверно недавняя злость прошла и ругаться с роботом, расхотелось.

– Не надо мне зубы заговаривать. – Буркнул мальчик. – Лучше объясните, почему вы остановились на столь древнем изобретении? Что вас в нем восхитило или вы, уловив ваш любимый звук металла и громкость, решили меня будить варварскими звуками.

Задал каверзный вопрос Семен. Любил он пошутить с роботом – задать большой пространственный вопрос и смутить этим всезнающую машину.

– Не могу знать.... Не могу знать.... Эта мелодия первая в каталоге. – Замешкавшись секунду, ответил робот.

– А что там, в каталоге еще есть.

– Песни, мелодии, звуки.

– Что за звуки.

– Шум прибоя. Шорох листьев. Шум ветра....

– Хм, шум ветра. Покажите, будьте добры. – Продолжил

мальчик сев на пластитумбу, что расплылась, обволакивая его тело, превращаясь в удобное кресло.

Тут же послышался тихий свист медленно переходящий в напряженную с глухим подвыванием мелодию из звуков по всему снежной бури.

– М-да, не совсем то, но значительно лучше бубенцов. Поставьте это.

– Вы уверены, что это вас разбудит?

– Вася, не надо на меня давить. Поставь и завтракать давай. – Скомандовал Семен.

Машина, как всегда хотела ответить, но мальчик поднял резко руку и отвернулся.

Молодой человек, которого звали Семен, находился в возрасте двенадцати не полных лет. Он с отличием закончил учебный год и на каникулах пожелал отправиться в путешествие по просторам Сибири. Этот дикий суровый край заинтересовал его, когда он изучал курс географии Земли. Родители с удовольствием снарядили единственному чаду экспедицию в компании с надежным роботом. Робот был действительно надежен. Его многофункциональность, от доставки, сопровождения и до устройства комфорта, была настроена

на заботу о ребенке. И работу он выполнял настолько корректно, что ребенок, то-бишь Сенька, ощущал если не любовь, то довольно искреннюю заботу.

– Завтрак будет готов через пять минут. Умойтесь и сделайте зарядку. – Озабоченно сказал робот и, подошел к Семену, провел рукой по голове мальчика, причесав его, таким образом, и сделал легкий минутный массаж.

– Что у нас сегодня на завтрак? – Уже мягче произнес Семен.

После приятных теплых прикосновений ему стало стыдно за свое поведение.

– Запеченные овощи, стейк и напиток из цикория.

– Ну, что ж – стейк, так стейк. Давай. Есть хочется.

Игнорируя предложение с умыванием и зарядкой, он азартно потер рука об руку.

Робот послушно подкатил стол-тележку и поднял крышку. На пластиковых тарелках под фарфор скворчала, будто только что с огня, еда. Запах аппетитно разнесся окрест.

– Какие на сегодня планы? Куда двинем? – сказал Семен, впиваясь в сочную мясную мякоть.

– Пока вы спали, я исследовал территорию радиусом 20 километров. Жилья нет. Сплошь тайга. Густые дебри. Абсолютно дикая среда. Сделал несколько снимков животного мира. На юго-западе обнаружен заброшенный бункер с ядерными боеприпасами.

– О, это интересно.

– Бункер законсервирован.

– Ну, ты же его откроешь, сэр. Только взглянем и уйдем. –

Прозяще, проныл Сенька.

– Территория вокруг него оцеплена тремя рядами лучевых заграждений. Если вы пожелаете все же проникнуть, будете остановлены и задержаны патрульной службой Земли.

– Ой, какие страсти, Вася. Ну, расскажи тогда, что там случилось. Что за боеприпасы?

– Это вы будете изучать на курсе истории через два года.

– Ого, два года. Да я умру от любопытства, пока это произойдет. Я сейчас хочу узнать, давай хотя бы вкратце, как ты умеешь. Вася, ну пожалуйста. – Заканючил мальчик.

– Хорошо, хорошо. Не стоит расстраиваться. – Озаботился еще больше робот и продолжил тоном, сказывающего сказку рассказчика. – С незапамятных времен, как вы знаете, жили на Земле люди и на протяжении всего своего существования они наращивали вооружение и вели бесконечные войны. Дошло до того, что открыв расщепление атома, они направили силу этого явления на создание мощного ядерного оружия, вызвав его применением угрозу для существования планеты.

– М-м, надо же. А с кем они воевали?

– Воевали они между собой. Земля в тот период делилась на государства, а население на нации. Нация слово из латинского языка. Переводится, как племя, народ. В Индустриальной эпохе являлось синонимом национального государства.

Существует два основных подхода к пониманию нации: политическая общность граждан и этническая общность с одним или несколькими языками и единым самосознанием. – Сухо выдал робот справку.

– О, как интересно, но непонятно. Не надо цитировать Википедию. Перейдите на беседу, сэр. И поясните, зачем они делились на нации. Я как-то раньше не задумывался об этом. Они что чем-то отличались друг от друга?

– Те древние жители Земли имели один генный код, называли себя Человек Разумный, отличались... цветом кожи. Деление на нации произошло еще до, так называемой, Нашей эры. Зачем они делились.... Зачем они делились....

Внутри робота, что-то застрекотало и на груди замигал красный глазок.

– Достаточно, Вася, достаточно. Не задымись. – Прервал машину мальчик.

– Извините, затрудняюсь ответить. На данный вопрос нет информации.

– Хорошо. Подытожим. Из всего сказанного, я понял, люди делились на нации, говорили на разных языках и жили в государствах.

– Абсолютно, правильно. – Кивнул головой робот.

– А государства имели границы и, оспаривая эти границы, воевали с соседями.

– Да, воевали. Границы как таковой весьма условное понятие и с самого начала образования государств менялись.

Менялись они в случае победы одного государства над другим, и территория поверженного государства или его часть присоединялась к территории победившего. Через некоторое время возникал новый конфликт и новая война за возвращение тех территорий. Войны были не только из-за этого, придумывались разные причины развязать войну. Но, движущей силой всех войн было одно – возвеличивания одной нации над другой с помощью пропаганды. Очень эффективный способ для разжигания ненависти и возможности держать под контролем раздробленное, таким образом, человеческое общество.

– Странные, однако, для человека желания – возвеличиться не созиданием, а убийством. – Отхлебнув цикория, проговорил Семен.

– Ничего странного. Психика человека неустойчива и под воздействием различных внешних факторов подвержена изменениям.

Сенька с сомнением взглянул на робота, но ничего не сказал. Психологию он еще не изучал, и возразить машине было нечем. Однако начатая тема не давала покоя, и он заговорил снова.

– Не понимаю. А с какой целью все это делалось?

– Видите ли, Семен это делалось правительством тех государств. Дорвавшись до власти люди, теряли голову. Отсутствие демократии и твердых принципов правления рождало вседозволенность, а это в свою очередь нарушало психи-

ку и прививало несвойственные лидерам комплексы. Такие как мания величия, безудержная жажда наживы и ряд других мелких отклонений в психике.

– Теперь я понимаю, почему упразднили нации. Чтобы прекратить войны.

– Не только. Когда обстановка накалилась до предела и встал вопрос существовать ли планете, представители народов Земли, чей разум не был подвержен агрессии, совершили переворот. На общенациональном конгрессе люди решили отказаться от наций и стали называться Землянами. Само собой упразднили государства, уничтожили оружие и законсервировали объекты ядерных центров, отменили деньги и было создано новое межконтинентальное правительство. Тогда-то и началась Золотая эпоха. А дальше вы знаете.

Да, Семен знал, так как жил именно в том демократическом обществе. Два раза в год он смотрел в интерокне очередной созыв правительства. Смотрел, сожалея, что не достиг еще совершеннолетия, и не может проголосовать вместе с другими Землянами, тут же на пульте окна, за разработанные правительством планеты законодательные проекты. Не может внести свои предложения и контролировать, претворение в жизнь, принятые. Знал, что на Земле нет оружия и война невозможна в принципе; что все жители планеты равны в независимости от занимаемого положения в обществе, и каждый стремится к созиданию не заморачиваясь

о быте, так как получает по потребности. А он, еще мальчишка, мечтает и готовит себя к интересной работе по созданию новой целостной оболочки Земли взамен щитов закрывающих дыры в естественной – основательно потрепанной безжалостным отношением к ней прежде живущих.

Язык всеобщения землян был английский, но другие языки каждый мог изучать при желании. Сенька в свои двенадцать лет с рождения владел, можно сказать, в совершенстве двумя языками: английским и русским.

За порядком на Земле следили роботы полицейские. Они не имели оружия и, действуя в рамках закона с провинившимися долго не церемонились, парализуя тех на определенный срок. Процедура была не из приятных и очень скоро полицейским нечего было делать.

Религия на земле не возбранялась. Она не касалась управления Земли, а, как и подобало ей, давала духовную пищу в виде проповедей наставников, помогала разобраться в жизненных перипетиях, утвердиться и не более того. Повсюду так и стояли отстроенные в древнюю эпоху храмы и поток людской к ним не иссякал. Не только услышать слово божье шли туда люди, но и на экскурсию...

– Спасибо Вася. Было вкусно. – Утираясь салфеткой, довольный беседой, да и едой, произнес Семен.

– На здоровье. Мы уже 15 дней в пути. Надо возвращаться. Родители скучают. Просили вас связаться с ними.

– 15 дней. – Удивился Сенька. – А я и не заметил. – В нем

шевельнулась грусть, вспомнились дом, мама, отец, но яркие впечатления, увиденные за незаметно пролетевшее время, заслонили родных собой.

– Что ж будем возвращаться. – Не сразу, согласился он, так и не понев, отчего взгрустнулось – от всплывших ли образов родных или все-таки от нежелания возвращаться.

– Только давай на минимальной. Хочу полюбоваться еще... – Не договорил, смутившись, мальчик.

– Как скажите, Семен. Отправление произойдет через 30 минут.

– Я пока пройдуся немного.

– Только не далеко. Включите маячок, дабы я вас не потерял.

– Слушаюсь, сэр. – Радостно крикнул Сенька и, прихватив камеру, устремился в девственный лес.

Несколько сделанных им шагов скрыли его с глаз заботливой няньки и разверзли перед ним сумрачный с налетом таинственности мир. Огромные вековые стволы, покрытые мхом, толпой преграждали дорогу, а густая крона, слегка качаемая ветром, постанывала в вышине. Слышался щебет невидимых птиц, а где-то вдаль надсадно ухал филин. Навалившийся рой мошкары, что завился вокруг стоило лишь углубиться в чащу, дополнил нудным зуммом лесные звуки. Пробираясь сквозь цепляющий одежду кустарник, мальчик бросал взгляды по сторонам желая увидеть все и сразу. Фотокамера неустанно снимала прекрасные картины, которых

не встретить ни в городе, нигде бы то еще. Вдруг совсем рядом, некая возня, то ли фырканье, чавканье, то ли чиханье, привлекла внимание мальчика. Сенька замер, вглядываясь в чашу. В нескольких шагах от него у поваленного дерева блеснули маслиновые бусинки-глазки. Владелец тех глаз, как и он, настороженно всматривался, только в его сторону. Серо-бурая шерстка с широкими черно-белыми полосами на мордочке навели на мысль, что перед ним барсук собственной персоной. Довольно крупных размеров заплывший жирком зверек лоснился приглаженной шерсткой. Ах, какой красавец, восхитился зверем мальчик и, затаив дыхание, перевел камеру в режим видео. Барсук видимо расслышал беззвучное включение, потому как напрягся, но не испугался и не убежал. Напротив, мелко ступая, он показался весь. Его длинный носик дергался от напряжения, а шерстка смешно топырясь, поднялась, будто у ошестинившегося зверя. Это развеселило Семена. Ему захотелось взять барсука крупнее, и он шагнул вперед. Под ногой, как назло оказался сушняк, и резкий хруст испугал обоих. Зверь присел, весь подобрался, уменьшившись в размере, обращенный на звук взор нашел виновника шума, и взгляды их встретились. Несколько секунд барсук рассматривал мальчика, а тот его, затем зверек проворно развернулся и, мелькнув коротким хвостиком, юркнул под замшелый ствол. Уф, выдохнул сдерживаемый в легких воздух Сенька и бросился вдогонку. Оплошность, что случилась с ним, нисколько не омрачила вибриру-

ющую в нем радость. Хотя легкую досаду он все-таки ощутил, но немного позже. В данный момент перед ним открылась небольшая полянка, сплошь заросшая невысокими кустиками с черными мелкими ягодами. Несколько ягодок валялось на примятой зверьком траве.

«Да он здесь ягодой лакомился». Подумал мальчик и, продолжая съемку, сорвал несколько. Одна раздавилась, окрасив пальцы темно-бордовым соком. Резкий запах свежести с примесью какой-то терпкой необычности ударил мальчика, удивил и вызвал желание попробовать. Сладкий с кислинкой вкус изумил своеобразным послевкусием.

«Что это за ягода, интересно, как будто смородина», размышлял он.

Вдали завывала сирена.

«О, Вася в своем репертуаре. Зовет. Семен улыбнулся. Ладно, дома разберемся», решил он и нехотя пошел назад, смакуя одну за другой ягодки, из сорванных еще неполную горсть. На поляне, где он давеча завтракал, все вещи были собраны. Вася, завидев его, заторопился навстречу.

– Все готово можно отправляться. С вами все нормально? На вас лица нет. Дайте руку. – И взяв протянутую руку в свою, он одобрительно закивал головой. – Все в норме. Слегка повышен пульс. Что вас так взволновало? – Продолжил он.

– Эх, Вася, тебе не понять. Я видел не тронутую человеком природу. И она так прекрасна. – С грустью ответил маль-

чик. – Давай уже грузиться, да летим.

Ему нестерпимо захотелось домой, увидеть родных и друзей и поделиться с ними увиденным и пережитым....

Маленький бесшумный вездеход нехотя оторвался от земли и, пробиваясь сквозь густую крону, выскочил в синеву и поплыл. Солнце, весело купало его в своих лучах, заставляя гореть серебром.

«Прощай тайга... Нет, пожалуй, до свидания... Еще увидимся... До встречи», прильнув к иллюминатору, шептал Семен, поедая глазами волнующееся внизу бескрайнее темно-зеленое море.

27 сентября 2016 год.

Если живая останусь

Неприятный треск и не менее противный шорох рвутся из трубки и, не то слово, как раздражают, а вот и гудок, басовито требующий, протяжный, радующий. Радующий тем, что связь, слава богу, работает и, возможно сейчас я услышу сестру. Около трех месяцев я ждала этого момента, ждала в страхе и отчаянии. Рисуемые моим воображением картины, произошедшие с сестрой, жуткими подробностями преследовали меня все, то ожидание и заставляли набирать ее номер по несколько раз на день. Причиной моей тревоги стали телевизионные новости, что освещали события в Луганске, но более того волновало отсутствие связи. Сжавшись

где-то глубоко во мне саднящим сгустком, беспокойство копилось и росло, не давая покоя. Оно тревожит и сейчас, когда гудок, казалось бы, гудит и вот, вот произойдет соединение. Но, что за тем «вот, вот», я не знаю. Может быть, успокоение, а может быть горе и боль, от того беспокоюсь, волнуясь и даже страшусь.

Наконец, гудок обрывается и опять шорох. Шорох взятой трубки. Радость накатывает волной, теснит тревогу, и я, опережая все и вся, кричу:

– Алло, Оля. Ты слышишь меня?

Сквозь продолжающийся шорох раздается, глухой, будто из подвала, голос.

– Да.... – произносит он, без каких либо эмоций. Ничего не выражающая интонация ошарашивает и пугает. Сердце сжимается, но тут же, слышу обычный, но плохо слышимый, такой родной, певучий говорок сестры, ее живую с местным акцентом речь.

– Ох, ты ж боже ж мой, Мариночка, вот радость то.... – Видимо, узнав меня, быстро говорит она.

– Оля, как ты там? Что у вас происходит? Я давно тебе звоню и не могу дозвониться. – Тороплюсь и я.

Услуги связи хотя и приятны возможностью поговорить с далекой родней, но бьют, знаете ли, и крепко по карману. И она от того спешит, я знаю, экономит мои деньги.

– Да я ж в подвале сижу, Марина, а там антенна не ловит. У нас война. Стреляют, земля ходуном так и ходит, так и хо-

дит. Выбегаю днем, вот как щас, живность покормить, огород полить или хлеб или шо прикупить, да еду сварить и назад у подвал. Здесь живу. Кровать себе обустроила – топчанчик небольшой. Я детей с внуками отправила до отца. Нехай, он побеспокоится, а сама осталась. Теперь на мне два дома: мой и Надин, хозяйство, огород, живность, собака Надина. Собаку, когда она уезжала, в машину не взяли. Автобусов нет. На легковой машине приходится ехать. На частнике. Деньги большие просят, очень большие. Машину, как следкой банку набивают. Вещи в достатке взять нет возможности. До границы российской довозят, а там уже транспорт идет, но тоже надо деньги, да и жить – сколько надо. Молодежь в основном вся поуезжала, остались старики да те, у кого денег нет уехать.

– А на Украину, почему не поехали? Там должно быть легче и помочь должны? – Волнуясь, громко, почти в крик задаю я первое, что возникло в голове.

– В Украину не проехать. Посты кругом и военные с автоматами.

– Как это не проехать? – Удивляюсь я.

– Ой, Марина, в Украину через фронт надо ехать, а это опасно, под обстрел можно угодить. И не один пост надо проехать, я ж говорю. Да и водители ехать, туда не берутся. Поначалу ездили, а как фронт подкатил к городу, не проехать. Мы-то сидели до последнего – думали, образуется. А теперь, пойми, только в Россию проехать можно.

– А кто воюет? – допытываюсь я.

– Кого только нет и русские, и еще эти, как их там – чеченцы. Чеченцев тьма – черные, с кривыми носами, ну точно коршуны. Казаков ростовских тоже много понаехало.

– Оля, а кто стреляет? – упорно задаю и задаю я вопросы, что всплывают в голове, может быть не в тему и глуповатые, но обдумывать их нет времени – нервы на взводе, да и я: вся, обращена вслух.

– Да кто ж его знает, я ж в подвале сижу. – Говорит она и тут же добавляет. – С обеих сторон лупят, лупят так спасу нет. Особенно ночью. В 9 начинают и до утра.

– Оля бросай все, приезжай ко мне. – Кричу я.

– Дак, как же ж бросить, разграбят. Оставленные дома грабят, все выносят, даже крыши снимают. Все, шо приглянулось....

– Да к черту дом, Оля, приезжай.

– Нет, Марина, мне не двадцать и не сорок, мне шестьдесят пять. Дом уже не построю, а доживать у людей мне не с руки. Пусть будет, что будет. Дом не брошу. Да и как я поеду у меня ж хозяйство на руках, огород посаженный, собака Надина, дорогушшая. Вулкашка. Картошку по осени надо копать да соленья к зиме припасти. Птица перестала нестись, режу ее потихоньку и тушенку делаю. Работу взяла – смотрю старушку, ей 86 лет.

Соседку через три дома вчера средь бела дня прямо во дворе убило и дом – угол разворотило. Я не ходила смот-

реть, но говорят страсть. Это в нашей стороне еще не шибко стреляют все больше с другого края, но долетает и до нас. – Тараторит она без остановки, а я напряженно ловлю каждое слово, каждое, как губка впитываю.

– Хорошо подвал есть. На совесть вырыли, как знали, шоховаться придется. – Слышу смех. Смех как будто тот же, как раньше, но мне не смешно. На глаза наворачиваются слезы. А она продолжает. – Здесь в подвале у меня уютненько: ковер старенький для тепла на стену повесила да под ноги дорожку бросила. Перетасила туда все ценное, жизнью нажитое – телевизор.... Аппаратуру короче, посуду. А в хате штоб окна не побились, я их, как в войну, бумагой обклеила крест накрест.

Марина, я здесь в подвале вот шо надумала, кажную ночь не сплю, думаю. – Голос становится собранный, серьезный, строгий, заставляет меня и без того взвинченную напрячься и замереть. – Если живая останусь, я, как все успокоится, решила обязательно поехать до всех: и Максимки, и Сереги и Андрея и до тебя конечно и до тети Зины и Николая в Саратов. Всех хочу увидеть, со всеми встретиться и всех обнять. Здесь в подвале я поняла, как вы мне дороги, как невыносимо быть одной. Помнишь, как мы встречались у дедовой хате, когда он был еще живой. А еще лучше, если б всем сговориться да у меня встретиться.

Слезы, копившиеся с начала разговора вырываются наружу и комок подступает к горлу. Не знала раньше, как это бы-

вает, только слышала это выражение, теперь знаю – нечто твердое возникает вдруг в горле и не дает ни вздохнуть, ни глотнуть. Длится недолго. Проходит от усиленного сглатывания – спазм видимо такой.

– Да, Олечка, обязательно встретимся. Это ты здорово придумала. Я только – за. – Справившись с удушьем, говорю я, сдерживая, плачь, мечтавшая об такой встрече, а те веселые и беззаботные из прошлого, с ностальгией вспоминая.

– Марина, все вроде сказала, давай прощаться, денег много наверно накрутило.

– Да бог с ними, с деньгами. Говори Оля, говори. – Кричу я в одолевающем меня волнении, возможно, слишком громко. – Я так рада тебя слышать. Может быть тебе денег прислать? Ты скажи куда, я вышлю.

– Да какие деньги. (Опять смеется). У нас ничего не работает. Война, Марина. Все закрыто и почта и банки. Школы закрыты и садики. Магазины стоят пустые. Пенсию не получаю который месяц.

– Оля ты не голодаешь? – подавленно спрашиваю я, осененная вдруг страшной догадкой.

– Да нет. Пока и деньги есть и хозяйство кормит. Базар работает, толкучка – там кто чем богат, то и продает, втридорога только. А шо будет дальше, даже не знаю. Ну, шо сказать-то ешо. Не сплю, бессонница мучает. Дети звонят. Устроились, слава Богу. Славик работу нашел, шоферит

на маршрутке, а вот Наденька работу не найдет. Она парикмахер, а там парикмахеров своих полно.

Ешо водопровод не работает, разбомбило его или взорвали, не знаю, хто шо говорит. Воду по районам развозят и раздают в одни руки норму. А нам, ближе к реке сходить, и в очереди не стоять, и набрать можно сколько унесешь. (Смеется.) Далековато, правда, два километра туда да два обратно. Туда, с горы да пустой легко идти, а вот назад тяжело. Я велосипед Славика с чердака достала и вожу по две канистры десятилитровой. Бак у меня большой есть. Его набираю, на три дня хватает. Без воды никак. И еду сварить, нужна, да помыться, постираться тоже надо. Электричества нет. Я свечами запаслась, надолго хватит. Шо мы все обо мне, как у вас там дела, как вы живете, как внучатки твои – растут?

– У нас то? – Теряюсь я от резко смененной темы. – У нас нормально. Все идет своим чередом: дети работают, внуки растут, куда им от того деться.

– Вот и славно. Хорошо, шо у тебя все хорошо. Давай прощаться, еще, как-нибудь, созвонимся.

– Оля погоди, – говорю я, не желая прерывать разговор, но голова идет кругом, нет никаких соображений, и я растерянно продолжаю. – Я так рада, что поговорила с тобой....

– И я рада. Все, я отключаюсь.

Телефон выпадает из рук, а слезы душат и текут, текут ручьем. Хочется завывать, что я и делаю, размазывая горячую влагу по лицу, благо одна дома, выдыхаю протяжно терзаю-

ший страх за сестру и сожаление, что не могу оказать ей помощь.

В голове не укладывается, как можно развязать войну, подвергнуть народ лишениям, да что там говорить – смерти. «Какая такая необходимость могла толкнуть на это? Что это за причина, которую нельзя решить мирным путем? Почему в наше время, в 21 веке, веке нанотехнологий в цивилизованном обществе, где главные критерии, такие как культура, образование, прогресс достигли высокого развития, а люди до сих пор делят территории и убивают друг друга? Что за дикость? Где же гуманизм – Миссия человеческой цивилизации? Или громкие высказывания о нем пустые слова и никакой гуманизации, как таковой, нет и в помине. Неужели люди никогда не будут жить в мире, а так и будут уничтожать жизнь и в итоге разрушат Землю? Где же дипломаты и политики, умеющие так складно говорить? Или все, что творится в Луганске кому-то на руку? Кто же тот, что решился на убийства? Кто заварил всю эту кашу? Кто?» Думала я и истерика моя, было возникающая, медленно угасла и, ей на смену явилось негодование....

А Ольга подняла из подвала канистры, приторочила их к велику и пошла к реке. По дороге, к ней присоединились соседи: Никитишна и муж ее Николай – такие же старики, как и она, даже постарше года на два, три с пятилитровыми баклажками из-под масла в обеих руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.